

Голос Бо Хуая звучал удивительно мягко. Так же мягко, как угасающий за его спиной закат, и прохладный вечерний ветерок, лениво овевающий их лица.

Эта неожиданная нежность мгновенно сбила спесь с Цзянь Сунъи. Еще секунду назад он топорщился, готовый взорваться в любую минуту, а теперь вдруг сдулся. Кончики его ушей предательски порозовели.

Пожалеть его? Да он совсем не это имел в виду! Но почему из уст Бо Хуая эти невинные слова прозвучали так... двусмысленно?

Когда он сам говорил о том, чтобы «утешить», это звучало по-мужски, твердо и прямо. Но стоило Бо Хуаю произнести то же самое, как у Цзянь Сунъи напрочь пропало всякое желание спорить.

Пытаясь сохранить лицо и привычный образ вспыльчивого бунтаря, он картинно закатил глаза:

— Да кто, блядь, вообще собирался тебя обнимать? Чтобы два здоровых мужика обжимались? Тебя самого от съеденного мяса не вывернет?

С этими словами он развернулся и зашагал вниз по лестнице.

Бо Хуай, оставшись позади, тихо рассмеялся:

— И как это называется? Сначала налетаешь на меня с криками, требуешь, чтобы я позволил тебе себя пожалеть. А когда я соглашаюсь, ты сразу же даешь на попятную. Как же тяжело тебе угодить, упрямец.

Цзянь Сунъи не выдержал, резко обернулся и свирепо зыркнул на него:

— Если бы ты действительно просто шел в туалет, стал бы я тратить на тебя слова?

— А куда еще я мог идти? Мой рюкзак вообще-то так и остался на стуле.

Цзянь Сунъи осекся.

«Действительно».

Рюкзак Бо Хуая все еще лежал за столом.

Вспомнив свою недавнюю тираду, полную пафоса и глупого самопожертвования, Цзянь Сунъи покраснел до самых корней волос. Ему безумно захотелось провалиться сквозь землю прямо

здесь и сейчас.

В последнее время он определенно стал слишком импульсивным и нерациональным. И все из-за этого проклятого Бо Хуая! Решено: с него хватит, общаться они больше не будут.

Да, никакого примирения. Бо Хуай этого просто не заслуживает. Он ведь пообещал себе больше никогда не иметь с ним дел. И с чего вдруг из-за какого-то несчастного подавителя, пары незначительных услуг и красивых жестов он так легко его простил?

Цзянь Сунъи холодно хмыкнул, собираясь сказать какую-нибудь колкость, но Бо Хуай вдруг негромко произнес:

— Но в одном ты прав. Мне действительно было паршиво. Совсем немного, не так сильно, как ты успел себе нафантазировать. Мой отъезд в Бэйчэн тогда... я действительно поступил неправильно. Но дело было вовсе не в той истории. Почему я уехал на самом деле — я расскажу тебе позже. А вот когда именно наступит это «позже», зависит исключительно от твоего поведения.

Цзянь Сунъи немного отпустило, и он недовольно фыркнул:

— Тоже мне, секрет полишинеля. Больно надо мне знать.

Несмотря на эти слова, его шаги заметно замедлились.

Бо Хуай неторопливо шел следом:

— Можешь не сомневаться, для меня это правда давно в прошлом. Тот разговор с Ван Хаем и ссорой-то назвать нельзя, просто он оказался чересчур эмоциональным. Если бы я до сих пор не мог справиться с тем, что произошло, я бы сюда не вернулся. А раз я здесь — значит, все в порядке. Тебе не о чем беспокоиться.

— Кто еще о тебе беспокоится? Не льсти себе.

— Хорошо-хорошо. Видимо, у кого-то другого сейчас только что глаза на лоб от злости не лезли.

— Это называется мужской солидарностью и верностью друзьям! На твоём месте мог быть Лу Цифэн, Чжоу Ло, Сюй Цзясин или Ян Юэ, и я поступил бы точно так же. Так что не строй иллюзий на свой счет.

Договорив, Цзянь Сунъи резко затормозил и развернулся.

Бо Хуай чуть не врезался в него грудью. Он удивленно приподнял бровь:

— Что? Неужели все-таки решил обнять и пожалеть?

Цзянь Сунъи оставался непреклонен:

— Мечтай больше. Мы вышли в туалет. Если мы проторчим на лестнице еще полчаса и вернемся ни с чем, Ян Юэ решит, что мы справили нужду прямо здесь.

— Ладно. Хотя эти совместные походы в туалет за ручку заставляют меня чувствовать себя как в детском саду.

— Отвали.

— Сам отвали. Это, вообще-то, мужской туалет для Альф. Твое место в соседнем — для Омег.

— Я в школе всегда хожу в туалет для Альф. Там везде перегородки, какая разница? Или ты боишься, что я тебя затмлю?

—...

Бо Хуай в очередной раз поразился этому человеку. В одну секунду он мог заставить его сердце трепетать от нежности и желания немедленно признаться во всем, а в следующую — доводил до предынфарктного состояния своей непрошибаемой прямоотой. Интересно, у него в голове случайно не завалялась пиллюля абсолютного, чистокровного дурака-натурала?

Не говоря больше ни слова, он просто взял Цзянь Сунъи за шкирку, выставил из туалета для Альф и бесцеремонно запихнул в соседнюю дверь с табличкой «Омеги».

После чего тяжело вздохнул. Ему, доминантному Альфе, бояться каких-то сравнений? Да он хоть раз проигрывал?

Смешно.

Определенно, в будущем нужно будет хорошенько проучить этого самонадеянного Омегу.

Тем временем за круглым столом оставшаяся пятерка преспокойно уплетала мясо, запивая его пивом, и с огромным интересом наблюдала за живописной сценой на лестнице, где два главных красавца школы толкались и выясняли отношения.

Когда те скрылись за дверями уборных, Юй Цзыго с сожалением вздохнул:

— Ощущение, будто я сейчас посмотрел серию «Глубокой любви, дождливого тумана». Подлец Бо Шухуань и взбалмошный Цзянь Ипин во всей красе. Как думаете, про кого мне лучше написать фанфик: про Леонардо и Сун Сяобао или сделать мужскую версию этой драмы про двух Альф?

Сюй Цзясин отвесил ему легкий подзатыльник:

— О чем у тебя вообще голова забита? Брат Сун и Дедушка Бо — вечные соперники, первое и второе место, они на дух друг друга не переносят. Хватит страдать херней, а то однажды прилетит так, что костей не соберешь.

Ян Юэ тут же поддакнул:

— Вот-вот. Если продолжишь в том же духе, я тебя от их гнева не спасу.

Лу Цифэн отпил глоток пива и негромко хмыкнул:

— Насчет Юй Цзыго не знаю, а вот тебе, Ян Юэ, точно стоит побеспокоиться за свою шкуру.

Ян Юэ опешил:

— Какого черта? При чем тут вообще я? Вы что, все сговорились меня донимать, потому что я самый добрый?

Лу Цифэн аккуратно смял пустую жестяную банку и спокойно спросил:

— Скажи мне, у хозяина этого заведения ведь двое сыновей, верно? Близнецы Ван Шань и Ван Хай. Ван Шань учился в Первой средней, с ним что-то случилось, и школа, чтобы замять скандал, без экзаменов зачислила Ван Хая?

— Ого, откуда такие подробности?

Отец Лу Цифэна возглавлял городское управление полиции, так что о подобных делах он знал из первых уст:

— А ты в курсе, почему Ван Шань тогда спрыгнул с крыши? Из-за жестокой травли.

За столом воцарилось молчание.

— И знаешь ли ты, что во всей Первой средней Бо Хуай был единственным, кто по-человечески к нему относился и помогал? Но в день трагедии Бо Хуая не было в школе, он отпросился по делам. А когда вернулся — как раз застал момент, когда Ван Шань летел с шестого этажа. Тот упал прямо перед ним.

Все замерли.

— Бо Хуаю тогда и четырнадцати не было. Представь: на твоих глазах одноклассник разбивается насмерть, превращаясь в кровавое месиво.

Тишина за столом стала удушающей.

— К тому же, как мне рассказывали знакомые из Первой средней, когда Ван Шаня еще пытались спасти в больнице, Бо Хуай пришел его навестить вместе с остальными. И Ван Шань прямо сказал ему, что ненавидит его.

— Но за что?! В чем виноват Бо Хуай? Он ведь единственный, кто к нему хорошо относился!

— Вот именно. Но Ван Шань решил: если бы Бо Хуай не ушел в тот день, этого бы не случилось. Да и вообще, у этого парня... ну, явно с головой были нелады.

Лу Цифэн выразительно постучал пальцем по виску.

— Конечно, это лишь официальная версия, наверняка там были свои подводные камни, которых мы не знаем. Дело быстро замяли, Бо Хуай перевелся, а в Первой средней ввели строжайшее табу на эту тему. Так что неудивительно, что вы ничего не слышали.

Лу Цифэн покатал смятую банку по столу:

— Честно сказать, будь я на месте молодого господина Бо... Я бы, наверное, наглухо замкнулся в себе после такого. Помогать человеку, который потом сигает с крыши у тебя на глазах, да еще и тебя же во всем винит? Это же психологическая травма на всю жизнь. Поэтому я чертовски удивился, когда он вернулся. А то, что он ведет себя настолько нормально, удивляет меня еще больше.

Не успел он закончить, как Чжоу Ло ощутимо ткнул его локтем под ребра. Только тут Лу Цифэн вспомнил, что за столом сидит Юй Цзыго — такой же студент по программе точечной подготовки. Повисла неловкая пауза, Лу Цифэн попытался было исправить ситуацию, но не знал, как начать.

Однако Юй Цзыго лишь великодушно махнул рукой:

— Да ладно вам, люди ведь разные бывают. Вот я, например, очаровашка, меня все любят. Скажи же, староста?

Ян Юэ тут же разразился потоком лести, заставив Юй Цзыго довольно заулыбаться.

Чтобы окончательно разрядить обстановку, Чжоу Ло заговорщически прошептал:

— Раз уж пошел такой разговор, открою вам один секрет. Когда Дедушка Бо тогда уехал, наш Брат Сун, похоже, сильно это переживал.

Сюй Цзясин отнесся к этому скептически:

— Да откуда тебе знать? Ты тогда и Дедушку Бо-то в глаза не видел.

Чжоу Ло понизил голос до таинственного шепота:

— Дедушку Бо не видел, зато мы с Братцем Суном учились в одном классе. Мы каждую неделю писали сочинения-дневники. И я отлично помню, что единственную оценку «А+» Цзянь Сунъи получил именно тогда. Угадайте, какая была тема?

Все четверо дружно покачали головами:

— Даже знать не хотим.

— Ну что за отсутствие любопытства! — разочарованно протянул Чжоу Ло. — Тема звучала так: «Памяти моего безвременно ушедшего друга, Бо Хуая». Боже, это было нечто! Там такие эпитеты использовались — чистый полет фантазии! Я читал и буквально умывался слезами, мне искренне хотелось пойти и купить венок для этого безвременно почившего героя по имени Бо Хуай.

—...

— Эй, вы чего притихли? Я серьезно! Я ведь тогда реально поверил, что у Братца Суна близкий друг трагически погиб, и безумно ему сочувствовал. А потом — бац! — и этот «покойник» переводится в нашу школу. Разве не ирония судьбы? Эй... ребят, ну правда, что у вас с лицами?

Почуввав неладное, Чжоу Ло медленно обернулся.

И застыл на месте.

Лу Цифэн, поймав на себе леденящий душу взгляд Цзянь Сунъи, который безмолвно обещал

ему скорую и мучительную смерть, поспешно пододвинул свой стул ближе, пытаясь загородить собой сжавшегося в комок Чжоу Ло.

Бо Хуай тем временем с явным интересом повернулся к Цзянь Суньи:

— «Памяти моего безвременно ушедшего друга, Бо Хуая»?

Цзянь Суньи сохранял абсолютное олимпийское спокойствие:

— Художественный вымысел.

— Позволишь как-нибудь ознакомиться с этим шедевром?

— И не мечтай. Но обещаю написать для тебя еще одну — лет через сто.

— Ловлю на слове.

Разговор шел колкость за колкостью, от бывшей школьной солидарности не осталось и следа.

Присутствующие лишний раз убедились: их трогательное единение во время военных сборов было лишь временным перемирием. Настоящие их отношения — это вечная борьба не на жизнь, а на смерть.

Обменявшись с Бо Хуаем еще парой любезностей, Цзянь Суньи взглянул на часы. Было уже полседьмого, уроки в Первой средней как раз закончились. Он подхватил свой рюкзак и закинул его на плечо:

— Ладно, сидите тут, а я пошел. Спать охота смертельно.

Бо Хуай тоже поднялся и накинул лямку рюкзака:

— Я с тобой.

Они не торопясь двинулись в сторону угасающего солнца. Между ними сохранялась небольшая дистанция, оба молчали, но в их легкой, размеренной походке не было и следа того напряжения, которое рисовали себе оставшиеся за столом друзья. Напротив, со стороны они казались на удивление гармоничной парой.

Ян Юэ почесал затылок:

— Даже мне от этой истории не по себе стало. А они ведут себя так, словно вообще ничего не случилось. Еще и спать вместе пошли...

Лу Цифэн лениво зевнул:

— А как еще они должны себя вести? Все это произошло сто лет назад. Любому дураку понятно, что вины Бо Хуая там нет ни капли. Единственное, в чем его можно обвинить — это в излишней доброте к парню, который в итоге сел ему на шею. Оттого он теперь и держится со всеми так холодно. Вы посмотрите, он ведь, кроме Цзянь Суньи, вообще никого к себе не подпускает. И с нами общается только потому, что мы друзья Суньи. Так что пока Цзянь Суньи рядом, с Бо Хуаем все будет в порядке.

Остальные лишь недоуменно переглянулись, так ничего толком и не поняв.

Лу Цифэн поленился объяснять дальше и просто достал телефон.

В кармане Цзянь Суньи звякнуло уведомление.

Лу Цифэн: [Я еще во время сборов хотел спросить: что между вами происходит?]

Цзянь Суньи искренне не понял вопроса: [В каком смысле?]

Лу Цифэн: [Ты же его терпеть не мог. Обещал выжить из Наньвай при первой возможности. А теперь у вас такая идиллия. Что, от ненависти до любви один шаг?]

Цзянь Суньи застрочил ответ с бешеной скоростью: [Какая, к черту, любовь? Ты еще заразишься бреднями Юй Цзыго. Мне нравятся мягкие, милые и покладистые Омеги, а не этот двухметровый, твердолобый и язвительный Альфа. Мы с Бо Хуаем максимум бро.]

Подумав секунду, он решил добавить весомости своим словам: [Мы просто бро, которые могут препираться сколько угодно, но в обиду друг друга не дадут.]

Лу Цифэн усмехнулся.

Сделал скриншот, сохранил в папку под названием «Переобувание в полете» и переслал Бо Хуаю с припиской: [Поздравляю, босс Бо. Вас официально зачислили в ряды братьев.]

После чего повернулся к Юй Цзыго:

— Слушай, завязывай со своими историями про Леонардо. Напиши лучше книгу про одного расчетливого коварного типа и одного наивного дурачка. Успех гарантирован, помани мое

СЛОВО.

Бо Хуай, стоявший на обочине дороги в ожидании такси вместе с Цзянь Сунъи, открыл присланный скриншот. Он увеличил картинку и задумчиво постучал пальцем по слову «бро».

Затем медленно повернул голову к Цзянь Сунъи и, слегка прищурив глаза, негромко произнес:

— А я помню, наш Брат Сун с самого детства привык держать свое слово.

Бо Хуай обычно выглядел холодным и отстраненным, но стоило ему прищуриться и улыбнуться, как эта крошечная родинка у внешнего уголка глаза делала его похожим на изысканного и чертовски обольстительного лиса-оборотня.

У Цзянь Сунъи, не искушенного в делах сердечных, против этой улыбки не было никаких шансов — его бдительность мгновенно улетучилась. Он поправил лямку рюкзака и буркнул:

— Естественно. Я всегда держу слово.

— Тогда почему ты обещал пожалеть меня, но так этого и не сделал?

—...

— И обнять тоже обещал.

—... Да какое к черту «обнять» среди улицы двум здоровым парням?!

— Но мне правда сейчас очень паршиво. На душе так серо и скверно... Что мне делать?

Бо Хуай изначально просто хотел подразнить своего Омегу. Но он не учел одного: на таком близком расстоянии легкая грусть и горечь, скопившиеся в его сердце за этот день, невольно просочились во взгляд. И Цзянь Сунъи это заметил.

Он не знал истинных причин этой тоски, но отчетливо понял: за этой маской шутливого флирта Бо Хуай действительно скрывает глубокую рану.

Слова не воробей. Он сам только что сказал Бо Хуаю, чтобы тот не держал все в себе, а поделился с ним, и пообещал утешить. Настоящий мужчина не может нарушить клятву.

Цзянь Сунъи крепко сжал лямки рюкзака, шумно выдохнул, расправил плечи и, стараясь выглядеть максимально сурово, процедил сквозь зубы:

— Ладно. Хотя я и не разделяю твоих нелепых телячьих нежностей, так и быть, проявлю гуманность... Иди сюда, блядь. Одно быстрое объятие — и сразу расходимся, усек? И это в самый последний раз! Если еще раз начнешь разводить эту розовую слякоть — пеняй на себя!

Сразу после этого он шагнул вперед и неловко, но крепко обхватил Бо Хуая своими длинными руками.

<http://bllate.org/book/20583/2186019>